

Е. Д. КУКУШКИНА

**ЦЕНЗУРНАЯ, АВТОРСКАЯ
И РЕЖИССЕРСКАЯ ПРАВКА
ТЕАТРАЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ
А. П. СУМАРОКОВА**

Рано сформировавшееся у Сумарокова стремление к творческой независимости и самолюбие, как черта характера, проявились не только в отрицании следования литературным авторитетам,¹ но и в резком неприятии любого вмешательства в тексты его сочинений. При этом его личное представление о неприкосновенности интеллектуальной собственности не имело в то время никаких правовых оснований. Цензура возникла в России задолго до появления авторского права — частной привилегии, предоставляемой создателю произведения.

Литературная деятельность Сумарокова началась в пору правления императрицы Елизаветы Петровны, когда существенно оживилась издательская деятельность Академии наук, которую в 1746 г. возглавил граф К. Г. Разумовский. 27 января 1748 г. в Академической канцелярии он объявил об указе императрицы «стараться при Академии переводить и печатать на русском языке книги гражданские различного содержания, в которых бы польза и забава соединены были с пристойным к светскому житию нравоучением».² Переводчикам была обещана плата в виде

¹ Ср.: «Я <...> без проводника проходил <...>. Русским языком и чистотою склада ни стихов, ни прозы, не должен я никому, кроме себя...» (см.: Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений... М., 1781. Ч. 9. С. 277–278).

² Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры. 1700–1863. М., 2011. С. 14.

ста печатных экземпляров книги. Это были первые факты формирования представлений о литературной собственности и вознаграждении за писательский труд в России, которые на протяжении XVIII в. претерпели много испытаний и изменений.

Все издания печатались под цензурным надзором Академии наук, за исключением «Санкт-Петербургских ведомостей», которые указом от 18 марта 1742 г. были подчинены цензуре Сенатской канторы. Правила и порядок цензуры всегда зависели от усмотрения лиц, возглавлявших Академию. Обязанности цензора исполняли то специально назначенные лица, то академики или академические переводчики. В задачу цензора входило просмотреть, чтобы в книге не было ничего, противоречащего «законам Божиим и гражданским, или же к явным соблазнам клонящегося».³ Однако цензоры, сами не чуждые литературного творчества, превращали цензурные заключения в критические отзывы. Они высказывали свое мнение о достоинствах и недостатках книг, обращали внимание на авторский слог. Конфликты Сумарокова в 1740–1750-е гг. с В. К. Тредиаковским и М. В. Ломоносовым по этому поводу подробно изложены в книге М. С. Гринберга и Б. А. Успенского «Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-х — начале 1750-х годов» (М., 2001).

28 октября 1747 г. Сумароков писал К. Г. Разумовскому:

Я намерен издать сочиненную мною трагедию «Хорев» в свет. А понеже, милостивый государь, исполнение моего желания зависит от особы вашей, — того ради приношу оную вашему сиятельству для рассмотрения и, ежели она напечатания достойна, то прошу, милостивый государь, приказать ее напечатать за мои деньги литерами, называемыми корпус, с прокладыванием лубочков, в большую октаву, числом 1200 экземпляров, с таким определением, чтоб и впредь против воли моей сей моей трагедии других эдичий в Академии не печатать <...> Еще прошу, сиятельнейший граф, ежели будет на то ваше соизволение, приказать употребить к тому бумагу такую, какую я потребую, а деньги с меня взыскать, хотя до печатания, хотя после печатания...⁴

Свидетельства конфликтных ситуаций в связи с публикацией трагедии Сумарокова «Хорев» не получили документального подтверждения или, возможно, не сохранились, но они отчетливо отозвались не-

³ Семенников В. П. К истории цензуры в Екатерининскую эпоху. СПб., 1913. С. 2.

⁴ Сумароков А. П. Письма / Публ. В. П. Степанова // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 68.

сколько позже в репликах персонажей его комедии «Чудовищи», где высмеивался В. К. Тредиаковский, и в «Эпистоле о стихотворстве» (1748), содержащей нелестные намеки на Тредиаковского и Ломоносова.

В начале октября 1748 г. Сумароков подал в Канцелярию Академии наук, осуществляющую цензурный надзор, свою новую трагедию «Гамлет». Работая над ней, он пользовался, по мнению М. П. Алексеева, прозаическим переводом-пересказом пьесы Шекспира, выполненным в 1745 г. Лапласом (Р.-А. de La Place) и опубликованным во втором томе его «Английского театра».⁵ Отношения в русских писательских кругах к этому времени были уже заметно обострены. Об этом свидетельствуют исключительные требования Канцелярии к профессорам Тредиаковскому и Ломоносову освидетельствовать пьесу в кратчайшие сроки и при этом не вмешиваться в авторский «штиль». Тредиаковскому отпускаясь для этого 24 часа, после чего он должен был передать пьесу Ломоносову. По-видимому, столь строгие условия работы рецензентов объяснялись также покровительством графа К. Г. Разумовского, брата А. Г. Разумовского, адъютантом которого служил Сумароков.⁶

Рецензия Ломоносова, в которой говорилось, что в пьесе нет ничего предосудительного, носила формальный характер. Тредиаковский, в отличие от него, сделал множество замечаний. По его мнению, необходимые элементы трагедии — ужас и жалость, — хотя и присутствуют в «Гамлете», но не выдержаны до конца. Он отметил неровности стиля, местами сниженного до «площадного», не подходящего для трагедии, «негладкие и темные» стихи. Эти замечания не могли понравиться Сумарокову. Но более всего его возмутили поправки и подчеркивания Тредиаковского, сделанные карандашом на полях рукописи, а также покровительственный тон рецензии, предлагавшей «показать автору некоторое снисходительство». Сумароков стер все карандашные пометы Тредиаковского, но поскольку они просматривались на бумаге, сделал на титульном листе надпись: «Подчертки карандашом не значат ничего».⁷

⁵ Алексеев М. П. Первое знакомство с Шекспиром в России // Шекспир и русская культура. М.; Л., 1965. С. 24.

⁶ Гринберг М. С., Успенский Б. А. Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-х — начале 1750-х годов. М., 2001. С. 14.

⁷ Там же. С. 14–15.

Тем не менее, уже через шесть дней после подачи Сумароковым трагедии на рецензию она была принята к изданию, а 3 декабря напечатана. Однако сценическая жизнь трагедии «Гамлет» оказалась весьма сложной и непродолжительной. Трагедия, по мысли Сумарокова, должна была оправдать дворцовый переворот, в результате которого на престол возшла Елизавета Петровна. Представленная в начале 1750 г. (точная дата не установлена), она снова репетировалась 15 ноября, по-видимому, по требованию Сумарокова, недовольного исполнителями, 9 февраля 1752 г. трагедию играла труппа актеров-ярославцев, обучающихся в Шляхетном корпусе, дважды она представлялась осенью 1757 г. (9 октября и 6 ноября) в «Оперном доме», и один раз 22 января 1758 г. на придворном театре. В Москве трагедия была представлена только один раз, 1 октября 1760 г.⁸ После 1762 г. пьеса уже не могла быть представлена из-за возможности увидеть в ней сходство между путчем Клавдия и дворцовым переворотом Екатерины II. Аналогии между Гамлетом и цесаревичем Павлом легко прочитывались не только в России. В 1782 г. в Вене актер И. Ф. И. Брокман (1745–1812) отказался исполнять роль Гамлета в трагедии Шекспира, заявив, что в театре окажутся «два Гамлета», так как в ложе придворного театра присутствовал Павел Петрович. Представление было отменено, а актер награжден за предусмотрительность.⁹

Резко отрицательные отзывы на «Эпистолы» Сумарокова, в «Предупреждении» Тредиаковского к переводу «Аргениды» Баркляя, завершенного в 1749 г., касались не только литературной стороны, но и личности Сумарокова. Они во многом определили содержание и художественные приемы комедии Сумарокова «Тресотиниус», написанной в начале 1750 г. с намерением высмеять Тредиаковского.

Еще до первого представления, состоявшегося 24 февраля 1750 г., комедия Сумарокова распространялась в списках. Тредиаковский, располагавший одним из них, в «Письме от приятеля к приятелю»¹⁰ обвинил Сумарокова в кощунстве. Реплика персонажа пьесы Оронта: «Однако душа его будет прискорбна, ежели того ему напечатать не позволят»,

⁸ *Ельницкая Т. М.* Репертуар драматических трупп // История русского драматического театра. М., 1977. Т. I: От истоков до конца XVIII века. С. 443.

⁹ *Шильдер Н. К.* Император Павел I. СПб., 1901. С. 159.

¹⁰ Подробнее об этом см.: *Гринберг М. С., Успенский Б. А.* Литературная война Тредиаковского... С. 21–26, 44–57.

по замыслу автора комедии намекала на болезненное отношение Тредиаковского к публикации его стихов.¹¹ Это был перифраз слов Христа (Мф 26: 38): «Прискорбна есть душа моя до смерти». По-видимому, Сумароков счел разумным исключить сомнительную реплику из текста пьесы. В нескольких списках 1750-х гг. эти слова сохранились, но в печатном издании они отсутствуют.¹² Защищаясь от нападок Сумарокова, которыми была наполнена комедия, Тредиаковский обратил внимание на ее несоответствие драматическим образцам и подражательность всего литературного творчества Сумарокова, указывая на зависимость «Тресотиниуса» от комедии Л. Гольберга, «Гамлета» — от трагедии Шекспира, а «Эпистолы» — от поэмы Буало. Сумароков отверг эти критические замечания в статье «Ответ на критику», написанной в июне-июле 1750 г.,¹³ и продолжил дискредитацию Тредиаковского в комедии «Чудовищи» (1750), изобразив своего литературного соперника, как и в «Тресотиниусе», неудачливым женихом-педантом.

Комедии Сумарокова были представлены при дворе императрицы Елизаветы Петровны учащимися Сухопутного шляхетского кадетского корпуса. Они подорвали репутацию Тредиаковского и во многом определили его дальнейшую судьбу.

Хотя в 1760 г. шляхетский корпус получил право печатать в своей типографии любую гражданскую книгу, просмотренную Конференцией корпуса,¹⁴ а не Академической канцелярией, Сумароков не делал попыток напечатать свои комедии. «Тресотиниус» и «Чудовищи» впервые были опубликованы Н. И. Новиковым в 1781 г. в «Полном собрании всех сочинений» А. П. Сумарокова, оставшись в истории фактами острой литературной полемики 1740–1750-х гг.

Цензурные замечания, повлекшие за собой серьезные конфликты, заставляли Сумарокова впредь напоминать рецензентам о неприкосновенности текстов своих сочинений. Готовясь издавать свой журнал «Трудолюбивая пчела», он писал в Канцелярию Академии наук 14 декабря 1758 г.:

¹¹ Там же. С. 31.

¹² См.: Николаев С. И. Комментарии к комедии «Тресотиниус» // Полное собрание сочинений А. П. Сумарокова. Комедии (готовится к печати).

¹³ Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений... М., 1787. Ч. 10. С. 103–105.

¹⁴ Шаирав Д. Д. Цензурный надзор над типографией Сухопутного шляхетного кадетского корпуса // XVIII век. М.; Л., 1940. Сб. 2. С. 301.

Вознамерился я издавать журнал для услуги народной. Того ради покорно прошу, чтобы повелено было в Академической типографии оный мой журнал без остановки на чистой бумаге в осьмуху печатать по двенадцать сот экзemplяров, а деньги с меня по прошествии всякой трети взыскивать. Что же касается до рассмотрения изданий, нет ли в оных чего противного, сие могут просматривать, ежели благоволено будет, те люди, которые просматривают академические журнальные издания, моих изданий слогу не касаяся.¹⁵

Академическая канцелярия в лице И.-К. Тауберта и М. В. Ломоносова отказалась рассматривать журнал, найдя для этого формальный предлог. Они сослались на то, что Сумароков задолжал Академической типографии за прежде напечатанные сочинения и на свою занятость: «члены канцелярии, имея по должности своей довольно других дел, в рассмотрение его пьес вступать не могут. А ежели, паче чаяния, в оных усмотрена будет после какая противность, в таком случае кто будет в ответе?». ¹⁶ Пытался помешать выходу журнала и фактор Академической типографии Розе, ссылаясь на большое количество незавершенной работы и неисправность печатных станков.¹⁷ Однако К. Г. Разумовский своей волей разрешил издание «Трудолюбивой пчелы». Цензура журнала была поручена академику по кафедре астрономии Н. И. Попову. В распоряжении, данном ему, говорилось о необходимости просматривать материалы журнала и «ежели во оных усмотрит что противного, напоминать о том издателю». В тот же день к распоряжению Попову было сделано существенное уточнение: «...если усмотрено будет Вами что противное в деле, а не в слоге, то напоминать о том господину издателю; в прочем же подписывать на поле, что оные пизсы читаны Вами и притом означа день получения и отсылки и отдавать для набора в типографию без всякого задержания». ¹⁸ Однако вскоре Сумароков потребовал другого цензора, ссылаясь на пьянство Попова, так как «что он подчеркивал, то ясно доказывает о его, во время просматривания, состоянии». Причем он обратился не только с доношением в Канцелярию Академии наук, но и к императрице Елизавете Петровне. По ее указу математики С. К. Котельников и С. Я. Румов-

¹⁵ Письма русских писателей. Л., 1980. С. 84–85.

¹⁶ Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры... С. 27.

¹⁷ Шамрай Д. Д., Берков П. Н. К цензурной истории «Трудолюбивой пчелы» А. П. Сумарокова // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5. С. 400.

¹⁸ Там же. С. 400–401.

ский, сменившие Попова, вопреки их неудовольствию, вынуждены были «опасаясь ссоры и от того худых последствий <...> многие вещи без поправки пропускать, ибо его высочордие отнюдь не хочет ничего в оных сочинениях допустить поправить». Появившиеся в журнале статьи, направленные против Ломоносова, и попытка Сумарокова опубликовать «Слово похвальное о государе императоре Петре Великом» с нападками на «суеверов» — духовенство и с противопоставлением правления Петра I правлению Елизаветы Петровны, заставили Ломоносова вмешаться в процесс публикации. Последовали жалобы, как Ломоносова, так и Сумарокова И. И. Шувалову, и выпуск журнала прекратился.¹⁹

В первый же год своего правления Екатерина II распорядилась печатать все сочинения Сумарокова в типографии Академии наук за казенный счет. Однако он едва не лишился этой привилегии, опубликовав в сентябре 1764 г. без одобрения императрицы «Оду королю польскому Станиславу Августу, новоизбранному Пиясту». В оде увидели намек на возможность династического брака Екатерины II и Станислава Понятовского. Почти весь тираж оды (300 экз.) был уничтожен. В своем оправдательном письме императрице Сумароков писал: «Ода не выйдет из моих рук. Два экземпляра безвозвратно потеряны, но два экземпляра не произведут никакого впечатления в публике; впрочем, во всем этом сочинении и нет ничего, что могло бы внушить какое-то подозрение разумным людям. Выражение „Да укрепятся в них союзы“ никоим образом не может неприятно поразить чей-либо слух, не имея иного значения, кроме того, что я желаю союза двум славянским народам...».²⁰

1760-е гг. оказались весьма продуктивными для драматургического творчества Сумарокова. Им были написаны новые пьесы и внесены коррективы в старые. Существенно отредактированы и сокращены тексты трагедий «Хорев» и «Синав и Трувор».²¹ Была подвергнута редакции комедия «Приданое обманом» (1756), еще не печатавшаяся. Сумароков опустил в ней эпизод, в котором отрицательный персонаж

¹⁹ Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры... С. 28–30.

²⁰ Письма русских писателей XVIII века... С. 99, 197 (Письмо Сумарокова после 1 февраля 1765 г.).

²¹ Об исправлениях, внесенных Сумароковым, см.: Стенник Ю. В. Две редакции трагедии А. П. Сумарокова «Синав и Трувор» // Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. М.; Л., 1964. С. 247–257 (XVIII век. Сб. 6).

Салидар ставил под сомнение пользу от открытия Кадетского корпуса. Исключен фрагмент, высмеивающий появившиеся в русском театре «слезные драмы», так как к этому времени эпизоды в духе сентиментальной литературы проникли в его собственные комедии. Кардинальные изменения коснулись финала этой пьесы. Скупец Салидар, поневоле подписавший распоряжение о приданом для дочери, в первом варианте комедии произносил гневные слова о тех, кто выдумал приданое, и желал «дурным девкам» «не видать мужей, как ушей своих». Личные обстоятельства и переживания Сумарокова, который стал беспокоиться о судьбе своей дочери, заставили его изменить реплику Салидара, хотя это противоречило характеру персонажа. В новом варианте комедии он произносил слова сочувствия «прекрасным дочерям небогатых отцов», которые засиживаются в девках. При подаче пьесы на цензуру в Конференцию Академии наук 12 января 1769 г. Сумароков указал, что пьеса в старой редакции играна уже несколько лет. Этого упоминания оказалось достаточно, чтобы получить цензурное одобрение. В том же году комедия была напечатана.²²

Летом 1768 г. Сумароков, написал трагедию «Вышеслав» и комедии «Лихоимец», «Ядовитый», «Три брата совместники». Цензурная судьба этих пьес складывалась по-разному. Прочтя трагедию перед И. П. Елагиным, назначенным в 1766 г. на должность главного директора театров, Сумароков передал ему пьесы для более подробного ознакомления. В августе Елагин возвратил пьесы автору, сделав в весьма деликатных выражениях ряд замечаний, без учета которых, по его мнению, их нельзя отдать на театр. В трагедии он отметил отдельные слова и выражения из третьего явления пятого действия, которые «весьма нежному слуху противны»: «сластолюбну радость» и «А он во пламени <...> не прикасайся ей!».²³

В комедии «Лихоимец» Елагин заметил «много острых слов на счет посвященных церкви и веры вещей». Как видно, Сумароков не учел урока, полученного после представления комедии «Опекун» (1764), когда слова, произносимые со сцены, воспринимались зрителями как

²² Кукушкина Е. Д. Комедии А. П. Сумарокова «Чудовищи» и «Приданое обманом»: редакции текстов // Вестник РФФИ: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 4. С. 114–115.

²³ Письма русских писателей XVIII века... С. 202 (Письмо И. П. Елагина от 7 августа 1766 г.).

кошунственные. Персонаж пьесы с говорящим именем Чужехват оправдывал «волей Божьей» кражи своих слуг и собственное плутовство. «Кошунствовать своим Опекуном стремился...» отметил Г. Р. Державин в своей пародии на эпитафию Сумарокова.²⁴ Пьеса «Опекун» получила известность, в 1765 г. была дважды напечатана: в Типографии Кадетского корпуса и при Академии наук. Елагин, отвечавший теперь за политику театра и знавший характер Сумарокова, вынужден был прибегнуть к объяснению: «Я знаю, что Ваше превосходительство изволите сказать, что все сии слова говорит порок осмеиваемый. Но не все зрители будут знать, кто говорит, а будут слышать, что они на театре говорены <...> Впрочем, передаю все на вашу волю с должным почтением».²⁵

Почувствовав себя оскорбленным, Сумароков обратился с жалобой к Екатерине II. Он вменял в вину Елагину, что тот продержал пьесы у себя более месяца, что он рассуждает о них, «не имея довольного знания во французском языке, и никакого в поэзии». Ссылаясь на мнение своих друзей Г. В. Козицкого и Н. Н. Мотониса, а также тверского и кашинского архиерея Гавриила (Шапошникова), которые не нашли в пьесах ничего «противу закона и обрядов», а также «ни тени малейшего Священному писанию непочтения», Сумароков заявлял, что никогда не покорится Елагину, так как не хочет быть «жертвоприношением его высокомерию».²⁶

Получив жалобу Сумарокова, Екатерина II прочла рукописи «Вышеслава» и «Лихоимца» и составила свои замечания, иронично озаглавив их «Примечания безграмотной на подчеркнутые места комедии Лихоимец».²⁷ Императрица согласилась с требованиями Елагина, которые касались трагедии «Вышеслав», заметив, что произносить отмеченные им слова при публице «благопристойность дозволить не может». В «Лихоимце» ее возмутила реплика, произносимая в первом явлении Дорантом: «И лучше мне быть в закуте господином, нежели

²⁴ См.: *Державин Г. Р. Сочинения* / С объяснит. примеч. Я. К. Грота. СПб., 1866. Т. 3. С. 247–248.

²⁵ Письма русских писателей XVIII века... С. 202–203 (Письмо И. П. Елагина от 7 августа 1766 г.).

²⁶ Там же. С. 110–111 (Письмо А. П. Сумарокова от 15 августа 1768 г.).

²⁷ Собственноручные записки Екатерины II на комедию Сумарокова «Лихоимец» // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1872. Т. 10. С. 274–275.

в соборной церкви туфлями Вселенского Патриарха». Она предостерегла автора: «Не лучше ли шутку другую вздумать, а о соборной церкви и вселенских патриархах на театре с презрением не упоминать. Не равно сыщутся в партере и такие, которые сочинителю сие в кошунство причтут». Не понравилось Екатерине также упоминание Комиссии о сочинении Нового уложения в эпизоде, когда персонажи комедии сетовали на излишнее употребление бумаги ябедниками и стихотворцами и говорили о возникающей от этого необходимости все мануфактуры превратить в бумажные. Персонаж комедии восклицал: «О ежели бы кто из депутатов об этом при сочинении Нового уложения предложил комиссии!». Екатерина предложила свой вариант: «Не можно ли вместо сих слов сказать: „О ежели бы кто о сем проект подал!“». Вместо слов «Уж я с вами до второго Христова не увижуся пришествия» Екатерина II советовала написать: «Уж я с вами по смерть не увижуся». Со всеми поправками Сумароков вынужден был согласиться. В окончательном варианте пьесы Дорант произносил: «И лучше мне быть в закуте господином, нежели в королевском доме истопником». Сумароковым была также исключена из текста пьесы какая-то реплика, отмеченная императрицей как «не у места сказанная» и могущая вызвать опасные для автора последствия: «Ябедники скажут, что по указам сочинителя допросить должно, кого он именно в сих словах разумеет».²⁸

8 сентября 1768 г. Сумароков писал директору Академии наук графу В. Г. Орлову: «Комедию я низайше прошу ваше сиятельство приказать напечатать; а рецензии, кажется, больше никакой не надобно, ибо она была уже ради рассмотрения у высочайшей особы и по отметкам отставлено, что было благоволено к отмене».²⁹ 30 сентября пьеса была напечатана.³⁰ По свидетельству «Драматического словаря» (1787) она «представлена была много раз на Российских театрах».³¹

Трагедия «Вышеслав» с поправками Сумарокова, учитывающими цензурные замечания, была подана в Комиссию Академии наук для

²⁸ Исторические бумаги XVIII века / Публ. М. Н. Лонгинова // Русская беседа. 1860. Кн. 2. Отд. 2. С. 236–237. Также см.: *Шамрай Д. Д.* К истории цензурного режима Екатерины II // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. 3. С. 191–192.

²⁹ Семенников В. П. Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II: На основании документов архива Конференции Императорской Академии наук. СПб., 1914. С. 96.

³⁰ Там же. С. 111.

³¹ Драматический словарь. М., 1787. С. 72.

получения разрешения на публикацию уже после первого ее представления. 10 октября 1768 г. Сумароков писал в своем прошении:

<...> прошу Комиссии приказать одного моего сочинения напечатать двести экземпляров <...> Да и апробация Комиссии излишна, ибо монархия, весь двор и вся публика сие мое сочинение апробовало; да и на театр отдано от е. в., быв прежде и у директора театра в рассмотрении. А справка, как объявлено мне от его сиятельства, не надобна; ибо апробации весь свет свидетель, и что торжественно апробовано, в том нет сомнения в печати. Я уповаю на немедленную резолюцию. Ежели все мои предложения тщетны, а его сиятельству не достает времени сию трагедию просмотрети, так то по приказу его сиятельства всяк исполнить может: нет ли чего в оной драме в противность указам. Но я рущаяся, ссылаясь на весь двор и на всю публику, что в трагедии сей ничего противного указам нет.³²

Тираж трагедии был получен Сумароковым уже через двенадцать дней.

Комедия «Ядовитый» была подана Сумароковым в Комиссию после просмотра ее И. П. Елагиним. К этому времени актеры уже разучивали роли. Ее печатание также не заняло много времени.³³

В начале 1769 г., собираясь переехать в Москву, Сумароков обратился с письмом к графу Г. Г. Орлову. Он просил его покровительства для улучшения своего материального положения, беспокоился о будущем взрослой дочери и в доказательство своих неустанных трудов на Парнасе приложил к письму роспись:

<...> сколько я в нынешний один год учинил нового плода: «Хорев» исправлен и издан со многими отменами; «Синав» также. И стали они втрое лучше прежнего. «Семира» также; «Ярополк» также, — которые и в печати не были; и стали лучше. Старые эклоги все переделаны, новые сочинены. Элегии все переделаны. Оды все поправлены, духовные стихотворения иные исправлены, иные сочинены. Комедия «Приданое» исправлена и издана. «Пустынник» исправлен и напечатан. «Вышеслав», «Лихоимец», «Ядовитый», «Три брата», «Нарцисс» — сочинены и напечатаны...³⁴

Сумароков не упоминает о своей деятельности как постановщика спектаклей. Руководивший кадетским театром, а в 1756 г. возглавивший первый придворный российский театр как его директор, Сумароков

³² Письма русских писателей XVIII века... С. 114

³³ Там же. С. 115, 204.

³⁴ Там же. С. 117 (Письмо А. П. Сумарокова от 25 января 1769 г.).

занимался постановкой пьес: учил актеров играть, следил за соблюдением ими мизансцен и следованием авторским ремаркам. Вмешательство посторонних лиц в этот процесс, как и в текст его пьес, он воспринимал как личное оскорбление. Так случилось в январе 1770 г., когда граф П. С. Салтыков приказал представить на Московском театре трагедию «Синав и Трувор», хотя актеры еще недостаточно выучили роли. Через несколько дней после неудачного спектакля Сумароков писал Екатерине, описывая неурядки в организации Московского театра:

Вообразите, государыня, возможно ли при таких всегдашних хлопотах поощрять себя к театральным сочинениям, когда пьесы мои, тщательно сочиненные, всемирно безобразятся <...> Ни покойная императрица, ни в.<ваше> в.<еличество> моих драм, как монарха власть ни велика, никогда без особенной милости представлять не повелевали <...> Не прикажите, государыня, моих пьес, иггранных только пред очами двора, представляти противу всех театральных учреждений в Москве, обезображивая меня <...> Не должно ли мне бессмысленных актеров поучить: и в Петербурге без моего показания мои драмы никогда игграны не бывали <...> Пьесы театральные не ради чтения сочиняются; так много славы погибает тогда, когда они мерзко игграются.³⁵

Режиссура, возникшая в России в XVIII в. во многом усилиями Сумарокова, развивалась и совершенствовалась на протяжении всего столетия, окончательно сформировавшись в современном понимании этого термина лишь во второй половине XIX века. Пьесы Сумарокова продолжали составлять существенную часть репертуара русского театра и при его жизни, и после смерти. Немногие сохранившиеся сценические экземпляры комедий позволяют увидеть, как адаптировали их к новым историко-культурным обстоятельствам лица, взявшие на себя функцию режиссера-постановщика.

В Санкт-Петербургской театральной библиотеке (СПб ГТБ) хранится рукописный экземпляр ранней редакции комедии «Ссора у мужа с женою» (Шифр л.19.2.37. № 7230), позже получившей название «Пустая ссора», с большим количеством помет и исправлений текста. Бумага рукописи с плохо просматриваемой филигранью «Pro Patria GR» датируется в широком интервале 1740–1829 гг. П. Н. Берков считал, что комедия была написана в 1750 г.³⁶ По предположению В. Н. Все-

³⁵ Письма русских писателей XVIII века... С. 162–163 (Письмо А. П. Сумарокова 31 января 1773 г.)

³⁶ Берков П. Н. История русской комедии XVIII века. Л., 1977. С. 29–30.

володского-Гернгросса, она впервые была представлена 24 октября 1750 г.³⁷ Однако надпись, сделанная на титульном листе рукописи, по видимому, И. А. Дмитриевским, приводит иную датировку: «В первой раз представлена на Придворном театре 1757 года генваря ... дня». Вторая цифра «7» в дате постановки была прочитана исследователями как «1». Список был переплетен, как и другие рукописи из библиотеки Российского театра, по просьбе И. А. Дмитриевского в 1784–1785 г.

Время внесения поправок в рукопись уточняется по перечню актеров, назначенных к участию в спектакле. Их имена вписаны в список действующих лиц пьесы. Большинство из них первоначально обучались театральному искусству в Московском Воспитательном доме, но в 1779 г. были отправлены в Петербург, где сначала вошли в труппу Вольного Российского театра, то есть публичного городского театра, доступного для любого зрителя, купившего билет. Ее собрал антрепренер немецкой труппы К. П. Книппер. Роль Оронта, мужа-простофили, который во всем подчиняется властной жене, была поручена А. М. Крутицкому. Обычно он исполнял роли стариков в трагедиях и комедиях. Его жену Салмину играла Н. И. Драницына, их дочь Деламиду — К. Ф. Логинова, Дюфизу — Д. А. Демидова. В 1783 г. театр Книппера был взят «в казну» и все эти актеры перешли в труппу Русского придворного театра. Н. Суслов, назначенный на роль Фатюя, предвосхитившего появление персонажа фонвизинского «Недоросля», обучался в архитектурном классе Академии художеств, исполняя также обязанности музыканта в танцевальном классе. В придворную труппу он был принят в 1780 г. учеником, а в основной состав вошел в 1783 г. Раньше других актеров, с 1774 г., в придворной труппе числился Никита Марков, занимавший амплуа любовников и петиметров. С 1782 г. входил в актерский состав Семен Замиров (роль Кимара, слуги). Таким образом, труппа в том составе, который указан в списке исполнителей, сложилась лишь в 1783 г. и поправки в первоначальный текст пьесы для подготовки ее к представлению на сцене были внесены не ранее этого времени. Известно, что в 1782–1783 г. И. А. Дмитриевский сменил на некоторое время К. Книппера в руководстве Вольным российским театром, а в августе 1783 был назначен инспектором Российской труппы. С того времени обязанности инспектора выполняли, сменяя друг друга,

³⁷ *Всеволодский-Гернгросс В. Н.* Театр в России при императрице Елисавете Петровне. СПб., 2003. С. 197.

Дмитревский и И. Я. Соколов. По-видимому, правка текста пьесы сделана тем из них, кто готовил ее для сцены в 1784 г.³⁸ Текст ранней редакции комедии по рукописи Театральной библиотеки был издан Берковым,³⁹ а в новой авторской редакции опубликован Н. И. Новиковым в «Полном собрании всех сочинений <...> А. П. Сумарокова» в 1781 г.

Рукопись, хранящаяся в Театральной библиотеке, позволяет увидеть два уровня правки, которой подвергся текст комедии: авторскую редактуру, в результате которой пьеса «Ссора у мужа с женой» была существенно сокращена и впоследствии получила название «Пустая ссора», и правку режиссера-постановщика, сделанную в первой редакции комедии через 27 лет после ее написания.

Первая редакции пьесы включала на пять явлений больше, а также еще одно действующее лицо — Дюфизу. Этот персонаж — такая же кокетка, как и Деламида. Эпизоды с ними развивали и варьировали тему высмеивания петиметров, начатую Сумароковым в комедии «Чудовищи». Девушки придумывают новые модные «проекты»: «...чтоб только в одном ухе серьга была <...> чтоб одна щека была нарумянена, а другая нет <...>, чтоб одна половина головы была напудрена...». Они осуждают свою знакомую за ее манеру просто одеваться и за то, что она, имея хороший голос, поет русские песни: «Мы слов по двадцати по-французски знаем, да и мы этого не делаем, а она по-французски очень хорошо умеет, а русские песни поет». Петиметр Дюлиж убегает со сцены, узнав о продаже модных товаров: красных каблучков, башмаков в красной коже, книг, красной, синей и «песошной бумаги». Первая редакция включала его монолог о Фатюе, сопернике на руку Деламиды, который не следует моде: «На что эдакие люди рождаются? Какая от них народу польза? Не умеет ни одеться, ни молвить, как должно галантому, ни шпаги пониже спустить, ни о дамских говорить уборах, да думает еще, что это и не надобно». Служанка Финетта, следуя авторской ремарке, «особливо», исподтишка смеется над ними. Эти сцены усиливали комизм пьесы, но нарушали динамику действия и уводили от основной ее темы — спора мужа и жены о женихе для дочери.

³⁸ Об участии актеров в спектакле 1784 г. см.: *Старикова Л. М.* Театр и зрелища российских столиц в XVIII веке. М., 2018. С. 422, 469–470, 473, 494–495, 499, 501, 553.

³⁹ *Сумароков А. П.* Ссора у мужа с женою // *Русская комедия и комическая опера XVIII века* / Ред. текста и вступ. ст. П. Н. Беркова. М.; Л., 1950. С. 67–84.

Правка, внесенная в текст пьесы в 1780-е гг., касалась некоторых деталей моды и слов, к тому времени, по-видимому, вышедших из употребления, как например, *вершники* (верховые слуги, сопровождающие карету), *ливрея* по отношению к дворовым людям. В диалоге Деламиды и Дюфизы зачеркнуто несколько рассуждений о «варварском» русском языке и «варварском» обычае употреблять обращения «сударь» и «сударыня» и добавлена реплика: «Ах, какая прекрасная инвенция!» Кроме того, устранены некоторые просторечия: *куды, туды, робенка, сперьва*. Характерно уточнение к эпизоду, в котором упоминалась девушка, поющая русские песни. К этим словам в рукописи сделана приписка: «да еще из русских опер». Как отметил в комментариях к тексту пьесы Берков, «первая русская опера „Цефал и Прокрис“ была написана Сумароковым в 1755 г.».⁴⁰

Почему для представления на сцене был выбран не второй авторский вариант комедии, к тому времени уже опубликованный, а первый ее вариант? По-видимому, пьеса, изображающая перебранки и ссоры супругов, доходящие до рукоприкладства и напоминающая эпизоды русских площадных представлений, в 1780-е гг., в пору заметного развития русской драматургии и появления комедий Д. И. Фонвизина, представлялась устаревшей и не могла, по мнению постановщика, заинтересовать зрителей придворного театра. В то же время страстное желание подчиняться капризам моды по-прежнему руководило жизнью большей части дворянского общества, несмотря на то, что щеголи и щеголихи постоянно высмеивались в сатирических журналах.

К 1780-м гг. относится также правка в печатном тексте комедии Сумарокова «Лихоимец». В библиотеке Академии наук хранится текст комедии в издании 1768 г. (Инв. № 23636 д) с существенными пометами, сделанными коричневыми чернилами. На них впервые обратила внимание М. Б. Рабинович.⁴¹ Правка текста носит различный характер: от замены одного слова другим до вычеркивания нескольких реплик или замены целого абзаца.

Зачеркнут почти весь монолог Доранта (Д. 1, Явл. 1), отмеченный в рецензии Екатерины II. В ней Сумароков осуждал ябедников, которые

⁴⁰ Там же. С. 682.

⁴¹ Рабинович М. Б. Сценический вариант комедии А. П. Сумарокова «Лихоимец» // Театр и драматургия: Труды гос. ин-та театра, музыки и кинематографии. Л., 1959. С. 419–426.

«людей разоряют», обвинял «худых стихотворцев» в безграмотности и сетовал на излишнее употребление ими бумаги, которое может привести к тому, что «все наши мануфактуры в бумажные преобразятся». Вместо этих слов вписан текст, осуждающий ябедников «как разорителей людских». Упоминание «худых стихотворцев» было элементом литературной полемики Сумарокова и вне контекста того времени потеряло свое значение. От реплики слуги Пасквина, выражающего удивление, зачем созданы сверчки и тараканы, никакой пользы не приносящие, от которых «только мерзость», а также черти, ябедники и лихоимцы (Д. 1, Явл. 4), сохранилось только упоминание ябедников и лихоимцев. Как заметила Рабинович, вычеркнутые слова ставили под сомнение мудрость творца вселенной. Исключена из текста также кощунственная реплика Кашея: «И ежели в царствии небесном денег не будет, так какое это нам, добрым людям, воздаяние» (Д. 2, Явл. 6).⁴² Существенно сокращена реплика Исабеллы (Д. 2, Явл. 1), начинающаяся словами: «Каковы наши чувства и мысли, таковы и слова», в которой была сформулирована связь речевой характеристики человека с его характером, а также слова Доранта о приятных суетах, наполняющих жизнь (Д. 2, Явл. 3). Такие рассуждения замедляли развитие действия. Для сохранения динамичности сюжета сокращен эпизод, в котором упоминался внесюжетный персонаж комедии Колчулай и его неблагоприятные поступки. В пору создания комедии у него был, очевидно, реальный прототип, со временем его упоминание потеряло смысл. Из комедии полностью вычеркнут монолог Леандра, в котором он рассуждал о необходимости жестокого наказания для Кашея и Колчулая: «Давно вас повесить надо...» (Д. 2, Явл. 8). Грубая сумароковская критика общественных нравов не вписывалась в изменившийся стиль отечественных комедий. В тексте найден более подходящий вариант для реплик Исабеллы, намеревающейся примирить дядю и своего любовника. Вместо зачеркнутых слов «подсизу» и «угомоню» вписано слово «уговорю», которые больше соответствуют характеру героини, девушки благородной и хорошо воспитанной.

Несколько существенных исправлений текста касаются внешности Кашея. Работая над комедией, Сумароков руководствовался представ-

⁴² Рабинович М. Б. Сценический вариант комедии А. П. Сумарокова «Лихоимец». С. 422.

лением о том образе персонажа, который сложился в фольклоре. Кашей не только чрезвычайно жаден, он обладает еще и характерным обликом. В комедии неоднократно отмечается его худоба и неприятная внешность: «...и клопы не так мерзки». Кашей называет себя «старым и безобразным человеком». Слуга Пасквин говорит о нем: «Вы уже как скелет совсем иссохли». Все характеристики внешности персонажа в тексте комедии вычеркнуты, так как мешали ее сценическому воплощению.

В перечень действующих лиц пьесы вписаны в сокращенном виде имена исполнителей: «Сак., Ива., Мар., Петр., Мих., Ш.», что позволяет составить представление об актерском ансамбле, назначенном для представления комедии. Роль Кашея должен был играть И. Я. Соколов, обладавший ярким сатирическим талантом. В молодости он участвовал в любительских спектаклях театра Московского университета, а с 1759 г. состоял в труппе Петербургского придворного театра, часто играя роли старых отцов. Также в Москве начала свою сценическую карьеру Е. Ф. Иванова, которой была поручена роль Исабеллы, племянницы Кашея. Никогда не учившаяся театральному искусству, она обладала природными артистическими способностями и была приглашена на Петербургскую придворную сцену в 1773 г. В течение трех десятилетий Иванова сохраняла за собой место первой актрисы. С 1774 г. состоял в труппе Придворного театра Н. Марков, игравший в комедиях петиметров или любовников, а в «Лихоимце» назначенный на роль Доранта. На три года позже вошел в труппу И. Петров (роль Леандра). Заметную роль в пьесах XVIII в. играли слуги, часто ведущие интригу. Роль Клары, служанки, предназначалась А. М. Михайловой, состоявшей в придворной труппе еще с 1762 г. и в молодости игравшей любовниц. Роль Пасквина, слуги Доранта, порученная Я. Д. Шумскому, свидетельствует, какое значение придавал этому персонажу режиссер-постановщик. Шумский имел громадный актерский опыт, в молодости он участвовал в любительских спектаклях Ярославского театра под руководством Ф. Г. Волкова. Обладая самобытным комизмом и даром импровизации, Шумский с 1767 и до 1785 г. оставался самым ярким комическим актером русской придворной сцены.⁴³

⁴³ *Старикова Л. М.* Театр и зрелища российских столиц... С. 479–480, 501, 504–505, 550–551, 567–568.

Изучив почерк, которым сделаны исправления в тексте комедии, и опираясь на мнение Беркова, Рабинович пришла к выводу, что они сделаны рукой Дмитриевского. Труднее установить, когда исправления были внесены в текст и состоялось ли представление комедии с этим актерским составом. Следует согласиться с автором статьи, что начальной датой отсчета можно считать год, когда в театральном коллективе оказались все перечисленные актеры. Эта дата приходится на 1777 г., когда в труппу был зачислен Иван Петров,⁴⁴ а не год зачисления Ивановой, как считала Рабинович, ошибочно указав 1774.⁴⁵ Актриса Иванова была принята в труппу в 1773 г.⁴⁶ Дмитриевский не мог сокращать текст пьесы при жизни Сумарокова, то есть до 1777 г., за счет тех реплик персонажей, которые имели для автора принципиальное значение. Даты возможных постановок «Лихоимца» в этой редакции, которые приводит автор статьи по «Хронике русского театра» И. С. Носова⁴⁷ (1768 и 1783), не подтверждаются Репертуарной сводкой, помещенной в «Истории русского драматического театра». В ней указаны представления «Лихоимца», состоявшиеся в 1769 г. в Петербурге и Москве, спектакли Вольного театра 20 и 31 января 1781 г., а также одно представление комедии 17 апреля 1782 г.⁴⁸ Но актерский состав труппы не соответствует перечню исполнителей «Лихоимца». После реорганизации всей системы придворных театров, осуществленной Екатериной II в 1783 г., был создан Российский театр во главе с Дмитриевским, который получил должность инспектора. Его труппа, включающая всех актеров, указанных в списке действующих лиц, сложилась к 1786 г. Очевидно, к этому времени и следует отнести работу Дмитриевского над текстом комедии Сумарокова «Лихоимец». Состоялся ли спектакль в этой адаптированной редакции пьесы, пока не установлено.

Пьесы первого русского драматурга Сумарокова некоторое время продолжали сценическую жизнь благодаря Дмитриевскому, который ку-

⁴⁴ Старикова Л. М. Театр и зрелища российских столиц... С. 501.

⁴⁵ Рабинович М. Б. Сценический вариант комедии А. П. Сумарокова «Лихоимец». С. 424.

⁴⁶ Старикова Л. М. Театр и зрелища российских столиц... С. 479.

⁴⁷ О недостоверности сведений «Хроники...» см.: Старикова Л. М. «Хроника русского театра» И. С. Носова и «История русского театра» И. А. Дмитриевского // Дар дружества и муз: Сб. статей в честь Натальи Дмитриевны Кочетковой. М.; СПб., 2018. С. 248–258.

⁴⁸ Ельницкая Т. М. Репертуар драматических трупп. С. 450.

рировал драматические спектакли и русские комические оперы с 1780 г. В 1791 г. он получил от «Директора над зрелищами и музыкою» Н. Б. Юсупова патент, в тексте которого впервые в истории русского театра значилась официально учрежденная должность «режиссер».⁴⁹ Комедии Сумарокова периодически ставились до конца 1810-х гг. в провинциальных любительских театрах силами местных дворян и чиновников. Сведения об их сценической интерпретации очень скудны.

⁴⁹ История русской музыки: в 10 т. М., 1985. Т. 3: XVIII век. Ч. 2. С. 287.